

Есть те, кто

Есть те, кто живёт более правильной жизнью,
у кого и внутри, и снаружи порядок,
и на всё на свете верный ответ найдётся.

Они видят насквозь, кто кого, кто с кем,
каким путём, с какой целью.

Они ставят печати на единственно верном,
отправляют ненужные факты в шредер,
а незнакомцев —
в ячейки каталога, утверждённые сверху.

Они думают столько, сколько нужно,
и ни секунды дольше —
ведь за этой секундой таится сомнение.

А когда их увольняют из жизни,
покидают рабочее место
через указанный стрелкой выход.

Иногда я завидую им.
К счастью, это проходит.

Дополнение к статистическим данным (Polish)

На сто человек

знающих лучше, как надо
— пятьдесят два;

сомневающих в каждом шаге
— практически все остальные;

готовых помочь,
если это недолго
— целых сорок девять;

тех, кто дарит добро,
потому что не может иначе
— четверо, ну, может, пятеро;

склонных восхищаться без зависти
— восемнадцать;

живущих в постоянном страхе
перед кем-либо/чем-либо
— семьдесят семь;

умеющих быть счастливыми
— максимум двадцать с чем-то;

безобидных поодиночке,
а в толпе теряющих человеческий облик
— явно больше половины;

жестоких,
если к этому вынудят обстоятельства
— этого лучше не знать
даже примерно;

крестящихся после грома
— немногим больше,
чем крестящихся, пока он не грянет;

кроме материального ничего не берущих от жизни
— сорок,
хотя мне хотелось бы ошибиться;

сгорбленных и разбитых,
без фонаря во мраке
— семьдесят три,
раньше или позже;

заслуживающих сочувствия
— девяносто девять;

смертных
— сто из ста.
Число, которое пока остаётся неизменным.

Ненависть

Посмотрите, в какой она форме,
как по-прежнему грациозна
в нашем столетии ненависть!
Как она берёт любые барьеры,
как это легко для неё — прыгнуть, настичь.

Непохожая на другие чувства,
она одновременно и младше их, и старше.
Она сама порождает
пробуждающие её причины.
Чувствует не упадок, а прилив сил после бессонной ночи,
а если уж засыпает, то никогда — сном вечным.

Преклоняет колена
не перед Богом, а лишь для низкого старта.
Тянет вверх с пистолетом руку —
не поднять в атаку, а дать сигнал, чтоб сорваться с места.
Чтобы темп задать, ей сгодится и справедливость.
Дальше она и сама помчится.
Ненависть. Ненависть.
Лицо её искривлено
гримасой экстаза.

Что там другие чувства —
хилые недотёпы.
Когда это братство
могло собирать стадионы?
Сочувствие разве когда-то
приходило первым на финиш?
Сколько верных фанатов
было готово идти за сомнением?
Идут лишь за ней, знающей в этом толк.

Способная, умная, трудолюбивая, —
нужно ли говорить, сколько песен она сложила,
сколько страниц истории пронумеровала,
какие толпы людей собирала
на тысячах площадей в целом мире?

Не будем лгать себе:
красоту творить она может.
Великолепны её зарева чёрной ночью,
прекрасны клубы взрывов на бледном рассвете.
Не откажешь в пафосе руинам,
а в циничном юморе — торчащей над ними колонне.

Ненависть — мастер контраста
меж грохотом и тишиною,
меж красной кровью и белым снегом.
А главное — ей никогда не наскучит
мотив элегантного палача
над опозоренной жертвой.

Она всегда готова к новым задачам,
но готова и ждать терпеливо.
Кто сказал, что она слепая?
Да у неё взгляд снайпера зоркий,
и в будущее смело
только она и смотрит.

Конец и начало

После каждой войны
кому-то приходится
наводить порядок —
разруха сама не исчезнет.

Кто-то должен от слома
расчистить дороги,
чтоб проехать могли
машины, полные трупов.

Кто-то должен копаться
в гнили и пепле,
диванных пружинах,
осколках стекла
и окровавленных тряпках.

Кто-то должен
подпереть брусьями стены,
кто-то — застеклить окна
и навесить двери на петли.

Это длится годами
и не выглядит фотогенично,
да и фотокорреспонденты
уже снимают другие войны.

Восстанавливать нужно
мосты и вокзалы.
Засучив рукава,
пахать до седьмого пота.

Кто-то с метлой в руках
вспоминает порой, как было,
кто-то ему согласно
не оторванной головой кивает.

Но возле них вскоре
начнут крутиться
те, кому от этого скучно.

Временами кто-то
выкапывает из ямы
проржавевшие аргументы
и относит их на помойку.

Те, что знали,
в чём была суть,
волей-неволей уступят место
тем, кто знает мало.
Потом тем, кто знает ещё меньше.
В конце концов — тем, кто ничего не знает.

В траве, которой поросли
причины и следствия,
кому-то придётся лежать
с колоском в зубах
и пялиться на облака.

Короткая жизнь наших предков

Немногие доживали до тридцати.
Старость была привилегией камней и деревьев.
Детство длилось не дольше, чем у волчат.
Надо было спешить, успевать жить,
пока не сядет солнце,
пока не выпадет первый снег.

В тринадцать рожали детей,
в четыре выслеживали в камышах птичьи гнёзда,
в двадцать руководили охотой —
едва появившись на свет, исчезали.
Концы бесконечности быстро срастались.
Ведьмы жевали заклятья
ещё не выпавшими молодыми зубами.
На глазах отца мужал сын,
под взглядом пустых глазниц деда рождался внук.

Да они и не считали года.
Считали сети, горшки, шалаши, топоры.
Время, столь щедрое для каких-то звёзд в небесах,
протягивало им почти что пустые руки

и тут же отдёргивало, будто ему было жаль поделиться.
Ещё шаг, ещё два
вдоль сверкающей реки,
что выплывает из темноты и в темноте исчезает.

Не было лишних мгновений,
вопросов на потом, запоздалых
откровений, заранее не пережитых.
Мудрость седин не могла дожидаться.
Ей надо было видеть солнце ещё до рассвета
и слышать голос, прежде чем он раздастся.

Добро и зло —
они знали об этом мало, но всё, что нужно.
Когда зло торжествует, добро таится,
когда приходит добро, зло прячется где-то рядом.
И ни одно, ни другое люди не в силах
ни победить, ни в бесконечную даль отодвинуть.
Поэтому в каждой радости примесь тревоги,
а в каждом отчаянье крупинка тихой надежды.
Жизнь, даже долгая, будет всегда короткой.
Слишком короткой, чтобы что-нибудь к ней добавить.

Вокзал

Я не прибыла в город N
точно по расписанию.

Я предупредила тебя
неотправленной телеграммой.

Ты успел
не прийти вовремя.

Поезд прибыл к третьей платформе.
Сошла толпа народу.

Сквозь людей пробивалось к дверям
моё отсутствие.

Несколько женщин вышло вместо меня
поскорей
из этого скорого.

К одной из них подбежал
кто-то, не знакомый мне,
но она узнала его
сразу же.

И пока они обменивались
не нашими поцелуями,
куда-то пропал
не мой чемодан.

Вокзал в городе N
сдал экзамен по предмету
«Объективная реальность».

Целое стояло на своём месте.
Частности двигались
по накатанным рельсам.

Состоялась даже
условленная встреча.

За пределами
нашего существования.

В потерянном раю
вероятности.

Где-то там,
где-то там, —
как стучат словечки!

Луковица

То ли дело — луковица!
Хоть в первой, хоть в сотой шубе
она вся насквозь луковица,
лук в квадрате и в кубе.
Внутри неё и снаружи
луковичное тело.
Луковица могла бы
в себя заглянуть смело.

Это в нас чужое и дикое
кожей едва прикрыто,

в нас анатомия адова,
кортизолы да эндорфины,
а в луковице луковица,
не кишечник извитый,
она — стократ повторённая
голая сердцевина.

Никогда оболочки луковицы,
меж собой не вступают в спор,
просто в первой вторая, в ней третья,
в большей меньшая спрятана,
то есть в третьей четвёртая,
ну а в четвёртой пятая —
фуга, эхо, что средь её
слоёв сливается в хор.

Изящный животик луковицы —
вот это я понимаю! —
растёт, ореолами славы
сам себя окружая,
а вот в нас — жиры, нервы, вены,
смесь гормонов мужских и женских,
и недоступен нам, людям,
идиотизм совершенства.